

КОГДА МЫ БЫЛИ НА ВОЙНЕ...

Прочитать хорошую книгу — всегда приятное событие, а если она еще и о Великой Отечественной войне — вообще двойная удача. И не только потому, что сегодня достойных произведений о войне, к сожалению, не так уж много, но еще и потому, что по прошествии семидесяти пяти лет восприятие даже грандиозных сражений меняется, обрастая мифами и всякого рода домыслами, затмевающими правду. А что уж говорить о рядовых событиях, не отмеченных в военных сводках Советского Информбюро, — они просто выветриваются из памяти.

Конечно, давать оценку каждой минуте, часу и дню того периода было бы некорректно, но хочется, чтобы последующие поколения все-таки знали о том, что происходило в то непростое время.

В преддверии Дня Победы мне повезло прочитать книгу «Когда мы были на войне», подаренную автором — тамбовским писателем Сергеем Константиновичем Кочуковым. В ней нет несусветных ляпов, которыми изобилует большинство современных военных фильмов и книг. Кочуков — офицер, для которого развлекать гражданскую публику придуманными подвигами неприемлемо; тем более, выставлять противников, покоривших почти всю Европу, дураками и неумехами — значит унижать ве-

ликий подвиг миллионов солдат и офицеров Красной Армии, одолевших страшную коричневую чуму. Автор намеренно уходит от эффектных красот и громких лозунгов. Рассказывая о повседневном быте и подвигах простых солдат, он избегает менторского тона и старается не отходить от окопной правды.

В повести «Алешка Урюпин, мой друг» Сергей Кочуков показывает становление настоящих воинов, когда необстрелянные рабочие и крестьяне превращаются в профессиональных военных, для которых выжить и победить является главной задачей. Причем такое преобразование происходит за предельно короткое время. Недаром один день на войне считается за три в обычной мирной жизни. Но война есть война! Люди получают ранения и гибнут, радуются и огорчаются, любят и расстаются. Одним суждено сложить головы, будучи совсем молодыми, другим, несмотря ни на что, — остаться в живых. Кому-то суждено дойти до Берлина, а кому-то в первые же дни войны попасть в плен, бежать и потом в сражениях доказывать себе и окружающим, что не трус и не предатель.

Однако девятнадцатилетний молотобоец Алексей Урюпин, попавший на передовую, подобными философскими категориями не мыслит. «Либо в первом же бою шлепнут, либо в медсанбат. Еще неизвестно, что лучше», — с тревогой и страхом думал молодой необстрелянный солдат.

«Полки их дивизии уже три дня сдерживали наступление фашистской армии, оставляли окопы и отодвигались на запасные позиции. Перед линией наших окопов громоздились, исходя гарью, десятки танков с черными крестами. Поля усеяны телами немцев, а они, невзирая на колоссальные потери, все перли вперед, в надежде прорвать нашу оборону на южном фланге Курской дуги. Непрерывающийся поток машин и конных повозок целый день вез и вез раненых к палаткам медсанбата. И поток этот был наполнен кровавой мутой, жуткими стонами вперемежку с матом и нестерпимой человеческой болью. На подламывающихся от усталости ногах, Алексей с утра до ночи таскал окровавленные носилки, а на них чаще всего лежали такие же, как он, безусые юнцы, безжалостно изуродованные, с искаженными гримасой боли лицами».

Прошло несколько месяцев. Урюпин считался уже опытным бойцом. Он многое повидал, научился обостренно чувствовать опасность, был хладнокровен, расчетлив и безжалостен. Получив ранение и подлечившись в госпитале, поспешил на передовую — помогать своим товарищам. В 1944 году награжден медалью «За отвагу» за то, что при взятии села Сочи в Румынии захватил минометный расчет противника. А было ему тогда всего девятнадцать лет. Но главный свой подвиг молодой солдат совершил позже. Будучи уже тяжело раненым, продолжал бой, раз за разом срывая очередную атаку фашистов.

Пулеметчик Алексей Урюпин был представлен к званию Героя Советского Союза. Но не посмертно, нет — командир полка не знал, что его боец к тому времени уже умер от ран.

Однако нравственно-патриотическим камертоном книги, на мой взгляд, является повесть «Штрихи к портрету», посвященная фронтовым разведчикам Великой Отечественной войны.

Сергею Кочукову удалось сохранить необходимую интригу на протяжении всего произведения. Описывая подвиг разведчиков, многие авторы обычно идут по пути наименьшего сопротивления — пользуются штампами: разведчик либо совершает подвиг, за который его награждают высокой наградой, либо погибает, выполняя порученное задание.

Герой повести Павел Костров впервые предстает перед читателями в образе школьного учителя истории. Он недавно приехал в село, и ученики принимают его в штаны. Его «потухшие глаза, нос с сеточкой красно-синих прожилок, сви-

детельствующих о пристрастии к спиртному, поникшие худые плечи и шаркающая походка, изуродованные руки, которые он постоянно пытался чем-то прикрыть», производят на окружающих негативное впечатление. Никто из сельчан не знает, что этот заурядный с виду человек был когда-то легендой полковой разведки. Будучи командиром разведгруппы и к тому же отличным психологом и рисовальщиком, молодой лейтенант выполнял самые важные и сложные задания. При этом Костров ценил каждого своего бойца и не шкурничал — вносил свой офицерский паек в общий котел, чем заслужил уважительное отношение выдавших виды разведчиков. Но что могло случиться, чтобы такой талантливый боевой офицер стал вызывать у людей лишь жалость и сожаление?

Выполняя очередное задание в тылу врага, разведчики — лейтенант Костров и его боевой товарищ — не смогли уйти от преследовавших их фашистов. Товарищ, поняв, что уйти не удастся, подорвал себя гранатой. Его примеру попытался последовать лейтенант — не удалось. Тяжелораненого Кострова схватили враги. Немецкий офицер Бонке, узнав, что именно этот лейтенант захватил его брата в плен, решил до смерти забить разведчика. Началось бессмысленное и жестокое истязание.

«Страшный удар в голову свалил с табурета. Его вновь начали избивать. Били ногами. Гауптман старался достать в открытые раны в боку, бил в промежность, топтал каблуками разбитое лицо. Зигфрид Бонке с трудом заставил себя остановиться в то время, когда Костров давно уже находился без сознания».

Чтобы привести разведчика в сознание, офицер лил крутой кипяток на израненную спину Кострова. И лишь бомбардировка станции, где находились фашисты, остановила близкий конец лейтенанта. Одна из бомб угодила в здание, где шел допрос.

Почти год Костров кочевал из одного госпиталя в другой, с одного операционного стола на другой. Он не жил. Он существовал между жизнью и смертью. Костров не помнил своего имени, болезненно вздрагивал от любого шума, пугливо озирался по сторонам. Со временем восстановилось все, кроме правой руки художника, которая так и не смогла держать карандаш.

Ученики класса смеялись над ним — своим новым учителем, отпускали в его сторону всякие колкости. Костров, всматриваясь в лица ребят, думал: «Откуда? Отчего? Кто дал им уроки безжалостной черствости? Почему не научили любить? По возрасту они почти ровесники тем, кто был со мной на войне? Откуда такая несхожесть? А главное, что же мне делать с вами? Как научить думать? Научить отвечать за свои слова, поступки?»

Костров начал левой рукой рисовать портреты учеников, только одеты они были в военную форму: кто-то в форме санинструктора, кто-то — разведчика. Ребята притихли и потрясенно молчали. Они смотрели другими глазами на старого учителя-калеку, на героев его рисунков. Затем спросили:

— Это ваши? С кем на войне были?

Узнав, что все они погибли, ребята пристыженно покинули класс.

Известно, что на войне бывает всякое — даже самое невероятное. «Рассказ деда Александра» удивляет нетипичной судьбой солдата Александра Жалнева. О таком мне, честно сказать, читать еще не приходилось. Вольно или невольно, но его дважды спасали враги. В первый раз — странный немецкий офицер, говоривший на чистом русском языке. Он сымитировал расстрел красноармейцев, в числе которых оказался и Сашка. А во второй — налет немецкой авиации, позволивший Жалневу, незаслуженно обвиненному в дезертирстве, спастись и снова продолжать воевать.

Рассказ «Знамя» почти с документальной точностью фиксирует жесткую прав-

ду войны. Десятки тысяч наших бойцов оказываются в окружении немецких войск под Харьковом, в так называемом Барвенковском котле. Советские части пытаются вырваться, но большинство красноармейцев гибнет в этой кровавой мясорубке. Лишь единицам удается остаться в живых.

«Придя в себя, немцы начали с двух сторон, в упор, буквально насквозь прошивать рвущиеся к свободе колонны русских из всех видов оружия. Сгорели танки и броневичок, было разбито большинство машин и орудий, полоса прорыва была устелена телами убитых и раненых. Эту шевелящуюся, стонущую, истекающую кровью полосу немцы дважды засыпят минами, перепашут снарядами, и она смолкнет. Они отведут войска и обустроят их в менее подходящем месте, лишь бы не находиться рядом с этим, открытым ветрам, дождям и солнцу, гигантским кладбищем».

Сержант Григорий Хохлов спасает полковое знамя, понимая: если оно попадет в руки к врагам, солдата ожидает неминуемая гибель. Однополчанин Иван Свирилин категорически против такого геройства, потому что они вдвоем находятся на территории, контролируемой немцами. Он призывает сержанта выбросить знамя.

«— Все в героев играешь! А они там, под Барвенковым, все остались, а генералы, комиссары, что нас в это пекло послали, далеко на востоке, новые сражения разрабатывают. И эти, которых мы только что схоронили, тоже впереди всех драпали, войска бросили, стратеги, мать их... Чего ты мне полковником Федотовым тычешь? Таких, как он, единицы, и они, как и мы, всего лишь мясо пушечное. А я не желаю, не желаюдохнуть из-за этого куска материи, не хочу! И тебе не позволю!»

Григорий Хохлов прогоняет трусившего Свирилина и в одиночку продолжает опасный путь. За фронтовой линией его, Свирилина и несколько других красноармейцев обнаруживают, но встречают отнюдь не по-братски. Солдат обвиняют в трусости и дезертирстве и начинают тут же без суда и следствия расстреливать. Только знамя спасает Хохлова, который, в свою очередь, заступает за Свирилина и не выдает его.

«Тут только Григорий увидел в пяти шагах пытавшегося подняться Ивана Свирилина. Если бы увидел в его угольно-черных глазах страх и мольбу о пощаде, Григорий, наверное, “не признал” бы его. В глазах он увидел не свойственную Свирилину горделивую обреченность, готовность принять как должное то, что через мгновение станет последней безжалостной точкой в его короткой жизни. Может, поэтому Григорий неожиданно для самого себя произнесет:

— Со мной... Соседней роты боец...»

Небольшая по объему книга Сергея Кочукова заставляет о многом задуматься и многое пережить, предлагая с новой, неожиданной стороны посмотреть на наших убоженных сединой ветеранов.

Миллионы наших отцов и дедов отдали свои жизни, чтобы мы могли спокойно жить под мирным небом. И наш долг — достойно беречь о них память.

КОМУ НУЖНА ОКОПНАЯ ПРАВДА?

*Посвящается Борису Эльпинеру
и его боевым товарищам-пулеметчикам*

В 2020 году наша писательская организация «Воинское содружество», как и весь российский народ, готовилась отметить 75-летие Победы над фашистской Германией. К этой знаменательной дате я со своими коллегами издал коллективный сборник «И липчане ковали Победу», но провести его презентацию оказалось затруднительно: библиотеки в течение нескольких месяцев не принимали читателей из-за коронавирусной инфекции. Поэтому внимание общественности к вы-

шедшей книге из-за этих ограничений было сильно ослаблено, хотя она представляла интерес для тех, кому небезразлична история родного края периода Великой Отечественной войны.

Работая над книгой, я задавал вопрос коллегам, которых принято называть детьми войны: «Как вы считаете, на что следует делать акцент, описывая прошедшую войну?» Мнения разделились. Одним хотелось, чтобы в сборнике звучали только победные реляции, другие предлагали сделать уклон на окопную правду, показав войну во всем ее страшном обличье, третьи соглашались и с теми, и с другими. Тогда я предложил каждому автору дополнить свои литературные произведения ответом на вопрос: «Что лично для вас значит Великая Отечественная война?» После создания такой рубрики появились прочувствованные рассказы-воспоминания о родных и близких, о тех, кто погиб на полях сражений, и о тех, кто вернулся домой израненным морально и физически. И размышления о том военном периоде оказались непохожими друг на друга, потому что принадлежали литераторам разных поколений. Так, например, моему отцу, участнику Великой Отечественной войны Анатолию Баяканскому шел девяносто пятый год, а Павлу Пономареву, студенту Воронежского журфака, исполнилось всего двадцать три.

Отец написал: «Накануне празднования 75-летия Победы над фашистской Германией меня спросили, чем для меня является прошедшая война. Ответ может быть очень долгим, но скажу о самом ярком впечатлении.

Во время ленинградской блокады на моих глазах один за другим уходили из жизни родственники. В одной коммунальной квартире рядом с нами, еще живыми, лежали умершие соседи. Я вдруг осознал, что юности у меня не было. В мгновение ока я превратился в мужчину. Я умирал вместе со своей матерью. Обессиленные, мы лежали с ней на одной кровати и медленно ожидали смерти».

А вот что написал Павел: «Что я, правнук фронтовика, могу знать о Великой Отечественной войне, не видевший ее, не знающий ее голой правды?

А прадед знал. Потому так мало и всегда с неохотой вспоминал то время. Все больше отшучивался.

Прадеда я не застал. Он умер, когда мне было девять месяцев».

Анализируя произведения коллег, я в очередной раз убедился: пока мы, родившиеся в СССР, сохраняем личное отношение к прошедшей войне, мы обязаны в точности запечатлеть воспоминания наших отцов и дедов. Ту драгоценную, хотя и жестокую, порой кровавую правду, которую они знали и уносят с собой в мир иной.

ПОКА МЫ ПОМНИМ — МЫ ЖИВЕМ

Был период, когда в Советском Союзе широко публиковались мемуары полководцев Великой Отечественной войны: маршалов и генералов. Но воевали и ковали победу не только они. Основная тяжесть военного лихолетья легла на плечи рядовых воинов и тружеников тыла. Как ни талантливы были военачальники, но лишь благодаря огромному мужеству и стойкости простых солдат была достигнута Великая Победа.

По моему мнению, наряду с воспоминаниями генералов нужно было издать и серию воспоминаний рядовых и сержантов. Это позволило бы полнее понять, как наш народ смог одолеть страшного врага, в одночасье покорившего многие страны. К сожалению, цензура советского времени не позволяла писать полную правду, а ведь кроме громких побед были и сокрушительные поражения, повлекшие многочисленные людские потери, о которых не принято вспоминать. Даже сейчас, когда повсеместно провозглашается идея сохранения исторической правды, не все российские архивы открыты для всеобщего ознакомления.

Воздавая должное подвигу Красной Армии, особо рьяные псевдопатриоты превращают историю Великой Отечественной войны в неправдоподобную сказку. Все больше и больше появляется фильмов и книг, изобилующих явными нелепостями и небылицами. Наши солдаты, словно на параде, в отутюженной новенькой форме играючи уничтожают сотни фашистов, одним снарядом подбивают одновременно два вражеских танка. В этих произведениях немцы выглядят откровенными дураками, не знающими, как воевать. Удивительно и то, что такие «произведения» часто поддерживаются чиновниками от культуры — и на их изготовление и издание выделяются внушительные средства из госбюджета. Во время войны подобный пропагандистский подход был обоснован — творческая интеллигенция стремилась поднять дух граждан страны, но сейчас, когда ежедневно уходят последние ветераны, нужно показывать правду такой, какой она была на самом деле. Иначе подобными низкопробными поделками уничижается и сводится на нет великий подвиг народа. Возникает закономерный вопрос: если немцы были недотепами, почему мы воевали с ними четыре долгих года? Почему им удалось захватить в плен сотни тысяч красноармейцев, оказавшихся в Киевском и Вяземском котлах, дойти почти до самой Москвы, 872 дня сохранять блокаду Ленинграда, успешно удерживать Ржевский выступ до весны 1943 года?

Нынешнему молодому поколению нужно четко осознать: необходимо ценить мирную жизнь, завоеванную нашими отцами и дедами с таким огромным трудом. За право жить под мирным небом было заплачено миллионами жизней. Война — это не красочная компьютерная игра с множеством запасных жизней. Это безобразная страшная реальность, когда приходится убивать по-настоящему.

Фронтовики знали цену и войне, и миру. Они теряли родных, друзей и знакомых. Шли в атаку, оборонялись, сходились с врагом в рукопашном бою. Отступали, совершали изнурительные марш-броски, форсировали реки. Получали ранения, обморожения, ожоги, контузии. Тонули, болели, недоедали, недосыпали. Разучились беззаботно смеяться. В состоянии, когда витавшая рядом смерть часто оказывалась сильнее жизни, трудно было радоваться и веселиться. Их души черствели, сердца разрывались от горя и переживаний, волосы седели. Солдаты и офицеры видели руины родных городов и сел. Видели следы зверств, совершенных фашистами на нашей советской земле. Все эти ужасы снились потом им долгие годы. Просыпаясь, фронтовики ощущали страшное послевкусие боя. И кое-как успокоившись, приходили в себя, понимая, что это всего лишь сны.

УЖАСЫ ВОЙНЫ ЦАРИЛИ НАД МИРОМ

У каждого воина — свой боевой путь. Одному суждено было погибнуть в первый же день войны, другому посчастливилось разгромить врага и встретить долгожданную победу. Однако пулеметчику Борису Эльпинеру судьба приготовила особую миссию. Пройдя через горнило жестоких боев, он чудом остался в живых, но уже в мирное время получил тяжелое ранение и потерял память. Очнувшись в 1949 году в госпитале, стал вести дневники, в которых описывал свою армейскую жизнь, в мельчайших подробностях восстанавливал происходящие события. Через две недели он скончался, не успев выполнить главного — полностью восстановить хронологию пройденного пути.

Он попытался рассказать своим родным и близким ту окопную правду, которая сопровождала его до великого дня Победы. Но его труд оказался не напрасным: прошли годы, и о жизни Эльпинера и его однополчан узнали люди последующих поколений. Член Международной ассоциации писателей и публицистов МАПП Тамара Ковальчук из Беларуси написала повесть «Четырнадцать дней Бориса Эльпинера». Основой произведения послужили реальные дневники пуле-

метчика, долгие годы бережно сохраняемые и передаваемые по наследству его родственниками, а затем подаренные родителям Тамары Ковальчук, с которыми те дружили.

Читая пронзительную повесть, невольно ловишь себя на мысли, что подобных произведений сейчас крайне мало. А жаль. Повествование привлекает своей правдивостью: скрупулезное описание боевого пути изобилует множеством фактов, достоверно иллюстрирующих происходящее. Изложение выдержано в ровном ключе, без излишней патетики и идеологических штампов.

Для старшего сержанта Бориса Эльпинера, награжденного орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», война превратилась в профессиональную работу, от качества которой во многом зависело сохранение не только его собственной жизни, но и жизней сослуживцев.

Тамара Ковальчук удачно выстроила композицию книги: повествование идет по нарастающей. Читатель, зная, что герою книги осталось прожить всего четырнадцать дней, переживает за молодого Бориса, мечтающего после госпиталя вернуться к родителям в родную Белоруссию вместе с невестой — медсестрой Катенькой — и не подозревающего о своем близком конце. Каждым воспоминанием бывший солдат приближает финал, который наступает для него неожиданно. Мы так и не узнаем, как и какими путями Борис дошел до конца своего боевого пути. Он сумел вспомнить и описать события лишь с 6 августа 1944 года по 1 января 1945 года.

Наша жизнь — великая загадка. Никто не знает своего точного предназначения. Недаром в народе говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает». Выполнил ли свою миссию двадцатисемилетний Борис Эльпинер, неизвестно, но то, что он успел написать в своих дневниках и письмах, объемно показывает нам, как воевали и добывали победу фронтовики, что пришлось им пережить и перестрадать.

СИЛА В ЕДИНСТВЕ

В наше непростое время, когда о Второй мировой войне мы узнаем в основном из мемуаров фронтовиков и военных документов, ее результаты и значение для человеческой истории вдруг начинают трактоваться по-разному. Отдельные страны и народы пытаются показать свою особую роль при достижении долгожданной победы. Но факты убедительно доказывают, что без единства народов, сражавшихся с фашизмом, победить этого страшного врага было невозможно. И воспоминания Бориса Эльпинера это подтверждают.

Служивцы Бориса постоянно меняются: одни ранены, другие убиты. Среди них присутствуют люди разных национальностей. В его пулеметном отделении служили русские, белорусы, украинцы. Сам Борис был евреем. Никаких трений по национальному вопросу не возникало. Называли друг друга славянами. Главными же критериями были профессионализм и человеческие качества. Жили дружно, так как смерть могла настичь каждого в любую минуту. Трусость считалась одним из главных грехов.

«Наутро началась артподготовка. Мне никто не отдавал никаких приказаний, и я себе спокойно постреливал из пулемета. И вдруг ко мне побегаёт какой-то старший лейтенант и приказывает идти вперед. Как после выяснилось, это был заместитель командира двадцать пятого батальона. Я отказался выполнять его приказания. Он тогда выхватил парабеллум и начал грозить мне. Это, конечно, меня не испугало, но когда он обозвал меня трусом, я не выдержал и, схватив коробки, развернул пулемет и с расчетом пошел в атаку. Впереди стрелял немец и была наша

артиллерия, но я вошел в азарт и первым ворвался в лес. На опушке в глубоких ячейках лежали убитые немецкие снайперы. Один раненый фриц еще стонал и умоляющим взглядом смотрел на меня. Я же, разгоряченный, запустил в него очередь из автомата. Один немец, еще живой, начал бежать, но очередь и его достала. Войдя глубоко в лес, мы попали под сильный артналет. Разорвавшийся снаряд поразил сзади идущих. Адасюк был убит наповал, последний пулеметчик был тяжело ранен. И остались мы четвером. Но мы продолжали двигаться вперед».

ДЕНЬ ПРОЖИТЬ — УЖЕ СЧАСТЬЕ

Когда Борис Эльпинер попал в 305-й стрелковый полк 44-й стрелковой Чудовской Краснознаменной дивизии, его назначили на должность старшины пулеметной роты, а заодно предложили вести занятия по боевой подготовке с новичками, которые понятия не имели о пулемете. После прежних кровопролитных боев полк нуждался в порядочном пополнении.

«Сама рота имела три взвода, девять пулеметов и ни одного пулеметчика, знавшего хорошо свое пулеметное дело.

Из имущества, принятого мной, в роте была лишь одна тетрадь убытия и прибытия. В этой тетради числилось около пятисот пулеметчиков, погибших или раненых, однако выживших в прежних боях».

То, что «война — не мать родна», чувствуется в каждом дневниковом фрагменте отважного пулеметчика. Бывали моменты, когда оставалось только удивляться, как можно было выжить в таком аду. Приведу лишь два небольших отрывка, прочитав которые, понимаешь часто упоминаемое в мирной жизни выражение: «Главное — чтобы не было войны».

«Самолеты, как немецкие, так и наши, заполнили все небо. Видно было, как «юнкерсы» пикировали на нас. Однако ни гула моторов, ни разрывов бомб не слышно было. Общий гул подготовки поглощал все, и разрывы бомб казались мелкими в этом аду. Я пытался отдать приказание Смолярчуку и для этого прилег к его уху. Долго пытался докричаться до него, но он все махал головой, показывая, что не слышит меня. Иногда я поднимался к пулемету и давал несколько длинных очередей по зачерненному от взрывов лесу.

Чуть укрывшись и установив пулемет на пень высоко срубленной сосны, мы приготовились к атаке. Бой начался разведкой на крепость обороны сто пятьдесят седьмой штрафной ротой, находившейся в распоряжении двадцать пятого полка. Они ползли до самой проволоки, натянутой на низких кольях. А дальше, при попытке преодолеть преграду, были обстреляны ружейно-пулеметным огнем. В результате назад вернулось только несколько человек. На всем периоде разведки боем я вел сильный огонь по засеченному мной пулемету противника и по видневшейся траншее, из которой вели огонь автоматчики. Мне кажется, что именно своим огнем я дал возможность вернуться обратно оставшимся в живых штрафникам».

«ДО СИХ ПОР УДИВЛЯЮСЬ ЖИВУЧЕСТИ ЧЕЛОВЕКА...»

За четыре года войны Эльпинер привык ко всему. Прошел огонь и воду — и казалось, его уже ничем нельзя удивить. Но война есть война. Удивляться пришлось даже таким выдавшим виды воинам, как он.

«Две коробки я протащил удачно и, конечно, сам прополз. Смолярчук с таким же успехом вместе с телом дотянулся до меня. Но тащивший станок Сорока, второй номер, худощавый, но крепкий украинец, учитель по профессии, по прозванию

нию Славянин, сделал неосторожное движение, и пуля угодила ему в голову, пробив каску. Так и остался на той стороне станок, щит и вместе с ними раненый не очень тяжело Сорока. Я не мог протащить станок из-за узости траншеи, и поэтому перевязал только своего пулеметчика.

Где-то около самого леса уже шел траншейный бой. По цепи передавали туда гранаты. Тяжело был ранен командир пятой роты, убит комсорг батальона прямым попаданием в горло.

Немцы отступали, но очень медленно, а нам необходимо было загнать фрицев в лес, чтобы там их атаковать. А пока они находились в траншее, этого сделать нельзя было.

Так пролежали мы на дне траншеи до наступления темноты. Затем восстановилось под покровом ночи свободное движение. Мы с поднощиком пошли за станком, и здесь я увидел жуткую участь пулеметчика Сороки. После нашего ухода при продвижении по траншее немцы пристреляли из артиллерии траншею, и снаряд угодил в то место, где находился раненый пулеметчик. Разрывом ему оторвали обе ноги выше колен. И в таком виде, без перевязки, без ног я застал его. Он стонал, просил накрыть его шинелью. Увидев меня, он начал просить, чтобы я его пристрелил. Жалко было смотреть на этого “испорченного” человека, хотя жалости у солдат вообще не бывает.

Я перевязал Сороку, и санитары унесли его. До сих пор удивляюсь живучести человека. Ведь он, не перевязанный, без ног, пролежал одиннадцать часов, причем не терял сознание за все это время».

БЫВАЛО ВСЯКОЕ

Говоря о мужестве и стойкости солдат, нельзя забывать и о том, что ничто человеческое им было не чуждо. В период затишья и отдыха они ощущали нехватку девушек. Мечтали о том, как после войны будут дружить, влюбляться, заведут семьи и начнут строить мирную жизнь. Придя в себя в госпитале, Борис признался медсестре Катеньке, что у него не было девушки и он никогда не целовался.

К тому же красноармейцы не были фантастическими суперсолдатами, котрым неведомы страх и усталость. Это сейчас показывают в фильмах, как они на фронте жили исключительно по уставу, постоянно подтягивали ремень и застегивали на верхнюю пуговицу гимнастерку, рапортуя: «Есть! Слушаюсь! Так точно!» Такого в реальности почти никогда не было. Наоборот, были даже моменты, когда приказы не выполнялись.

«Еще восемь километров двигались по булыжнику, свободному на этот раз от движения, но зато заваленному трупами и техникой противника. На восьмом километре свернули влево. Пошла проселочная дорога. Весь триста пятый полк с полным своим хозяйством стремился вместиться на дороге. Для этого головным надо было пройти с километр. Но передние, то есть мы, уже обессилели и не хотели подниматься с места, где прилегли на отдых. Сам командир полка майор Бамбаль стал уговаривать нас, и мы все же поднялись и пошли вперед. По кустам уже спал двадцать пятый полк.

Было уже темно. Бойцы под огнем противника окапывались вблизи деревни. Я с пулеметом устроился в кювете и, подбадривая стрелков, давал ответные очереди в сторону немецкого МГ и ракетчиков. Немцев было немного, но пристрелялись они хорошо и поэтому заставляли нас зарываться глубже и глубже. Последовала команда: “В атаку!”, но никто не поднимался.

Темнота пугала нас, и никакие усилия не заставили бы бойцов идти вперед. Ночь мы провели у дороги, а противник за это время отошел. Мы тут же начали его преследовать».

Описанные моменты показывают, как далека реальность от придуманной нынешними сценаристами жизни.

Следует упомянуть и о питании. Часто продовольствие запаздывало, не всегда было полноценным. При случае солдаты забирали продукты у гражданского населения. Популярностью пользовались сало, мед, курятина. Об этом Борис честно пишет в своих воспоминаниях. Правда, не все латыши делились едой безропотно, иногда даже открывали огонь по красноармейцам. Приведенные факты не умаляют облик солдат: люди, ежедневно рисковавшие жизнью, имели моральное право на определенную компенсацию. И это выглядит не так уж и безобразно — шла война.

ЭТОТ ДЕНЬ ПОБЕДЫ...

О том, что немцы были серьезными противниками, свидетельствуют почти все дневниковые записи и письма Эльпинера. Понимая это, по-настоящему ценишь героизм каждого прошедшего войну солдата. Проведенный на фронте день можно смело зачислять за три дня мирной жизни. Считаю, надо наградить всех доживших до сегодняшнего дня фронтовиков особым орденом «Участник Великой Отечественной войны» и назначить им пенсию выше той, которую получают немецкие ветераны, воевавшие на стороне фашистской Германии. Почему этого не делает власть — непонятно! Мало того что фронтовики испытали все муки военного ада, они еще восстанавливали разрушенную войной страну и растили детей. Мы в неоплатном долгу перед ними, тем более что их осталось совсем немного.

Борис Эльпинер вспоминает, как к ним в полк приехал командир корпуса, молодой генерал. В своей речи он подчеркнул, чтобы бойцы и не думали об отдыхе.

«Перед отъездом генерал наградил участников боев в Киришах, заявив при этом, что каждый участник обороны в болотах есть герой, который, несмотря ни на какой огонь, страдал и плакал, но не отходил. Замечательные и правильные слова, и красиво сказано!»

Да, многие бойцы страдали, плакали, но продолжали идти вперед, освобождая нашу Родину и затем Европу от коричневой чумы.

Надеюсь, что повесть Тамары Ковальчук является достойным вкладом в сохранение исторической правды, так нужной всем нам сегодня.

В заключение приведу строчку из письма Бориса Эльпинера, написанного им родным 9 мая 1945 года:

«Здравствуйте, мои дорогие. Нет слов, чтобы передать вам ту радость, которую переживаем мы сейчас в связи с Победой и окончанием войны...»